

Анти-Ницше¹

Малкольм Булл

...много званных, а мало избранных.
Евангелие от Матфея

ПРОТИВОСТОЯ всем и каждому, Ницше встретил удивительно мало сопротивления. В действительности его репутация явно пострадала только в одном случае — когда его радостно подхватили нацисты. Но, если не считать Германии, связь Ницше с ужасами Второй мировой войны и холокостом в основном еще больше раззадорила любопытство. Конечно, чудовище надо было приручить, поэтому мысль Ницше подверглась умной переработке, чтобы навсегда отстраниться от того зла, что было совершено от его имени. Даже те философии, которые он неизменно чествовал презрением, как нельзя более язвительным, а именно социализм, феминизм и христианство, попытались перетянуть своего мучителя на свою сторону. Сегодня почти каждый видит в Ницше своего; он стал тем, кем больше всего хотел быть, — необоримым.

Эта ситуация придает дополнительное значение ряду недавних публикаций, в которых авторы переворачивают стандартную практику и прямо говорят о том, что писал Ницше, дабы дистанцироваться от его произведений. Антиницшеанский поворот начался во Франции, где сборник Люка Ферри и Алена Ренана «Почему мы не ницшеанцы» (*Pourquoi nous ne sommes pas nietzschéens*, 1991) стал ответом на синтез «Маркс, Ницше, Фрейд», созданный в предшествующие десятилетия, и предъявил требование: «Мы должны перестать *интерпретировать* Ницше и начать ловить его на слове»². Авторы этого сборника подчеркивали ницшевское неприятие истины и рациональной аргументации, тревожные выводы из его антиэгалитаризма и имморализма, а также его влияние на реакционную мысль.

1. Булл М. Анти-Ницше / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2016 (в печати). Гл. 2. Публикуется с любезного разрешения издателя.
2. Boyer A. Hierarchy and Truth // Why We Are Not Nietzscheans / L. Ferry, A. Renaut (eds). Chicago: University of Chicago Press, 1997. P. 2.

Ферри и Ренан пытались обновить традиционный гуманизм, однако антиницшеанство может принимать и другие формы. В обширной работе Джеффа Уэйта «Корпус Ницше» конец коммунизма связывается с триумфом ницшеанства, а Ницше и корпус его интерпретаторов рассматриваются с альтюссерианской точки зрения, с которой Ницше представляется в качестве «революционного разработчика псевдолевой фаскоидно-либеральной культуры и технокультуры»³. Утверждая, что сегодня «единственное богохульство — богохульствовать на Ницше, который ранее сам был великим богохульником, и на *его* общество», Уэйт далее раскрывает «эзотерическое» учение Ницше, которое нацелено на «вос/производство жизнеспособной формы добровольного рабства, подходящего к пост/модернистским условиям, а вместе с ним небольшого числа гениев (мужчин), равных только в своем кругу»⁴. Неотъемлемой частью этого учения является то, что Уэйт называет «„герменевтикой“ или же „риторикой эвтаназии“, то есть *процесса прореживания*». Те, кто не способен выдержать мысль о Вечном Возвращении, по словам Ницше, не пригодны для жизни:

Кого можно уничтожить фразой «не существует никакого спасения», те должны вымереть. Я хочу *войн*, в которых те, у кого есть смелость жить, *изгонят* остальных⁵.

Хотя лаконичная работа Фредрика Аппеля «Ницше против демократии» как нельзя более отличается от «Корпуса Ницше» по стилю, в ней доказывается похожая мысль. Аппель сетует на то, что, когда «попыток привлечь мысль Ницше на службу радикальной демократии становилось все больше, его откровенно неэгалитарный политический проект игнорировали или просто не принимали во внимание». Ницше — далеко не мыслитель-протей, чья мысль настолько многолика, что ее невозможно охватить одной-единственной политической интерпретацией; напротив, он никогда не отказывается от «бескомпромиссного уничижения как эти-

3. Waite G. Nietzsche's Corps/e: Aesthetics, Politics, Prophecy, or, The Spectacular Technology of Everyday Life. Durham, NC: Duke University Press, 1996. P. XI.

4. Ibid. P. 67, 232.

5. Ницше Ф. Черновики и наброски. Весна 1884 // Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Культурная революция, 2005–2013. Т. 11. 2012. С. 86.

ки доброты, так и понятия равенства личностей, отстаивая радикально аристократический взгляд о превосходстве одних людей над другими»⁶. В отличие от Уэйта, который полагает, что Ницше в определенной степени скрывал свою политическую повестку, Аппель доказывает, что она пронизывает каждый из аспектов его поздней мысли. Элитизм Ницше не только фундаментален для его целостного мировоззрения, он настолько глубок, что естественным образом приводит к выводу, согласно которому «большинство людей не имеют права на существование»⁷.

В действительности, как доказывает Доменико Лозурдо в своем монументальном контекстуальном исследовании «Ницше, мятежный аристократ», его политическая повестка не ограничивалась его поздней мыслью. С самого начала в творчестве Ницше воплощался прямой ответ на современные ему политические процессы, и он совпадал с ответом других реакционеров. У «Рождения трагедии», написанной после Франко-прусской войны, мог бы запросто быть такой подзаголовок: «Кризис культуры от Сократа до Парижской коммуны», поскольку Сократ воплощает лишившийся корней рационализм и оптимизм, еврейский по своему происхождению, но французский по выражению, который угрожает «трагическому мировоззрению» древних греков и современных немцев. Политика Ницше не только не метафорическая, она всецело практическая. Его план по созданию новых форм рабства, как ответ на недавнюю отмену рабства в США, включал в себя реалистические идеи по собственному осуществлению. В его идеализации войны слышны отзвуки европейских представлений о колониальном завоевании, а мысль о том, что слабые индивиды и расы будут уничтожены в таких войнах, отражает современные ему реалии. Ницше не стесняется примеров, объясняющих, что у него на уме: его моделью расового господства выступает Конго, а его представление о «большой политике» определено европейским вторжением в Россию⁸.

Тем не менее Ницше родственен нацизму скорее в средствах, чем в целях. Как указывают некоторые из авторов сборника «Ниц-

6. Appel F. *Nietzsche Contra Democracy*. Ithaca: Cornell University Press, 1999. P. 2.

7. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М.: Культурная революция, 2005. С. 481.

8. Losurdo D. *Nietzsche, il ribelle aristocratico*. Turin: Bollati Boringhieri, 2002. О сократизме см., в частности, главы 1 и 3; о рабстве — главу 12; о войне, колониализме и уничтожении — главы 19, 22 и 23. О планах Ницше касательно несвободного труда см. также: Landa I. Nietzsche, the Chinese Worker's Friend // *New Left Review*. 1999. № 236. P. 3–23.

ше, крестный отец фашизма?», Ницше, поскольку он в целом выступал против немецкого национализма, антисемитизма и власти государства, не мог бы стать некритическим нацистом⁹. Однако его сомнения не обязательно распространялись на разрушительные войны, массовое уничтожение, возрождение рабства и выведение расы господ, поскольку ко всем этим вещам он относился совершенно спокойно. Так или иначе, Ницше мог бы счесть нацизм не гротескной экстраполяцией собственных идей, а слишком ограниченной — вульгарной в своем выражении, местечковой по амбициям, слишком мелочной в своих жестокостях.

Большинство людей, скорее всего, не пожелают быть замешанными в политической философии такого рода. Но можно ли отстраниться от Ницше, не встретив его снова? Аргументы Ницше были нацелены именно на те практики общественного выравнивания и освобождения, что обнаруживаются в либерализме, социализме и феминизме. Большинство его недавних критиков стремятся заново утвердить политические и философские позиции, которые сам Ницше презирал. С их точки зрения, достаточно показать, что Ницше был аморальным иррационалистом антиэгалитарного толка, который не уважал основные права человека, чтобы его аргументы можно было отвергнуть. Но если оппозиция будет составлена из ранее существовавших традиций, она вряд ли сможет сместить Ницше с той позиции, которую он выбрал для себя, — позиции философа будущего, который пишет «для человеческого рода, какого еще нет на свете»¹⁰.

Ницше, как самозваного Антихриста, который отвел себе последний день христианства и поставил себя в конец секулярной европейской культуры, этим христианством порожденной, не раздосадовало бы, если бы его «переоценку всех ценностей» продолжали отвергать те, кто цепляется за изничтоженные им ценности. Он бы вечно оставался в положении их эсхатологического супостата, предельного философа современности, которая никак не кончится, и ожидал бы того, что послезавтра он родится по-смертно. Похоже, что нет той критики Ницше, которая бы заняла по отношению к нему ту же позицию, которую сам он занял по отношению к христианству. Постмодерн взрастил кучу постницшеанцев, озабоченных тем, как бы приспособить Ницше к своей соб-

9. Nietzsche, Godfather of Fascism? On the Uses and Abuses of a Philosophy / J. Golomb, R. S. Wistrich (eds). Princeton: Princeton University Press, 2002. О национализме и антисемитизме см. также: Losurdo D. Op.cit. P. 26–28, 105–121.

10. Ницше Ф. Воля к власти. С. 515.

ственной повестке, но было крайне мало постнищеанских антинищеанцев, то есть критиков, чей ответ был бы направлен не на то, чтобы помешать нам дойти до Ницше, а на то, чтобы позволить нам его превзойти.

Читать Ницше

Главная помеха для развития любой формы антинищеанства состоит, как указывает Уэйт, в том, что «большинство читателей ему в основном *верят*»¹¹. Одна из причин этого в том, что Ницше дает своим читателям сильные мотивы для такой веры. «Эта книга для совсем немногих», — заявляет он в предисловии к «Антихристу». Она принадлежит только тем, кто «честен в интеллектуальных вещах до жестокости»¹²; кто, «как то свойственно сильному, [должен] отдавать предпочтение вопросам, которые в наши дни никто не осмеливается ставить; необходимо мужество, чтобы вступить в область *запретного*»:

Вот кто мои читатели, читатели настоящие, читатели согласно предопределению; что проку от остальных? <...> Остальные — всего лишь человечество... Нужно превзойти человечество силой, *высотой* души — превзойти его презрением...¹³

В самом акте чтения Ницше услужливо предлагает любому, но не каждому отождествиться с господами. Отождествление с господами означает осуществляющееся в воображении освобождение от всех общественных, моральных и экономических ограничений, которыми обычно связаны индивиды; отождествление с «остальными» предполагает, что придется прочесть много страниц оскорблений, обращенных на людей, похожих на тебя самого. Неудивительно, что люди самых разных политических убеждений и социальных позиций с большей готовностью распознавали в себе представителей первой категории. Ибо кто же в самом акте своего приватного чтения не найдет у себя те качества, что описывает Ницше, — честность, смелость и великодушие?

11. Waite G. Op. cit. P. 24.

12. В переводе В. А. Флёровой (*Ницше Ф. Антихрист* // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 632). Ср. пер. А. В. Михайлова: «Необходима в делах духа честность и неподкупность, и нужно закалиться в них» (*Ницше Ф. Антихрист* // Полн. собр. соч. Т. 6. 2009. С. 109. Далее цитируется по этому изданию). — *Прим. пер.*

13. Он же. *Антихрист*. С. 109.

Как отметил Уиндем Льюис, в этой стратегии есть элемент ярмарочного трюкачества:

Ницше, решивший изображать польского дворянина, с берсерковым безумным блеском в глазах, рекламировал тайны мира и продавал обрадовавшемуся простонародью фиалы с синими чернилами, которые он выдавал за капли подлинной голубой крови. Простолюдины уходили, проглотив его предписания и незамедлительно почувствовав себя благородными¹⁴.

Если судить по этой формулировке, получается, что читатели Ницше просто слишком доверчивы. Но дело не только в этом. Посмотрим, как тот же феномен в рецепции Ницше описывает Стэнли Розен:

Призыв к высочайшим, наиболее одаренным индивидам, требующий создать радикально новое общество художников-воителей, был выражен с такой риторической силой и с таким уникальным сочетанием откровенности и двусмысленности, что посредственность, глупцы и безумцы получили позволение считать самих себя божественными прообразами высочайшего человека будущего¹⁵.

Сколько именно людей, которые, прочитав это утверждение, считают самих себя «божественными прообразами»? Я думаю, очень немного. Ведь, раскрывая риторическую стратегию Ницше, Розен находит ей новое применение. Сочетание «высочайших, наиболее одаренных индивидов», к которым обращался Ницше, с «посредственностью, глупцами и безумцами», претендующими на то, на что у них нет никаких прав, заставляет читателей дистанцироваться от первой категории и отождествиться с теми «одаренными индивидами», которые, как предполагается, отказались от возможности, предложенной им Ницше. Подобно Льюису, Розен приглашает своих читателей рассмотреть возможность того, что Ницше предназначен лишь для мелких людей, так что быть всего лишь Сверхчеловеком¹⁶ — ниже их достоинства.

14. Lewis W. The Art of Being Ruled. Santa Rosa, CA: Black Sparrow Press, 1989. P. 113.

15. Rosen S. The Ancients and the Moderns. New Haven: Yale University Press, 1989. P. 190.

16. В качестве перевода ницшевского *Übermensch* я везде предпочитаю «Сверхчеловека» (*Superman*) «Надчеловеку» (*Overman*), предложенному Вальтером Кауфманом. Последний перевод более буквален, но в английском он практически не имеет смысла. Хотя это все не так уж важно, «Сверхчеловек» служит напоминанием о тех коннотациях, которые Ка-

Стратегия Ницше такова, что читателям сложно полностью от нее освободиться. В работе «Опасная игра Ницше» Дэниэль Конвей утверждает, что именно эта стратегия играет центральную роль в философии Ницше после «Заратустры». Поздний Ницше, попавший в изоляцию и, казалось, всеми игнорируемый, отчаянно нуждается в читателях, поскольку никак иначе его грандиозные заявления об эпохальном значении его собственной философии оправдать невозможно. Но в той мере, в какой его читатели пассивно соглашались с его критикой прежней философии, они вряд ли могут быть «чудовищами смелости и любопытства», необходимыми для передачи его философии будущему. Если же в читателях Ницше действительно воплотятся те авантюрные качества, которые он идеализирует, читатели быстро выявят в нем самом «его собственное родство декадансу современности»¹⁷. Парадокс, следовательно, в том, что ницшеанство лучше всего сохраняется в тех прочтениях, которые выставляют напоказ декаданс Ницше, а потому делают из него первую жертву его собственной стратегии. Действительно, демонстрируемая Конвеем практика «чтения Ницше против Ницше» является, как он признает, одним из примеров такого подхода, а потому, согласно его собственной аргументации, в некоем ироническом ключе служит закреплению ницшеанства без Ницше:

...отступничество его детей никогда не закончится. Они могут напустить на него, разоблачить его, даже профанировать его учения, но все это они делают, лишь осуществляя на практике идеи и стратегии, которые он оставил им в наследство¹⁸.

В результате один аспект программы Ницше (его подозрение) вечно разыгрывается против другого (его критики декаданса), поскольку подозрение, которое разоблачает декаданс даже у «мастера подозрения», само является симптомом декаданса, ожидающим разоблачения со стороны будущих поколений, которые обучены подозрению своим собственным декадансом.

Хотя Конвей иллюстрирует то, как Ницше вместе со своими «авторскими доктринами» может стать жертвой своей собствен-

уфман хотел приглушить, хотя Ницше часто играл на них, например выделяя Цезаре Борджиа в качестве образца этого типа. См.: *Ницше Ф. Сумерки идолов*// Полн. собр. соч. Т. 6. 2009. С. 83; *Он же. Ессе Номо*// Полн. собр. соч. Т. 6. 2009. С. 225.

17. *Conway D. Nietzsche's Dangerous Game: Philosophy in the Twilight of the Idols.* Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 152.

18. *Ibid.* P. 256.

ной стратегии, он практически не показывает того, как читатель может уклониться от участия в ней. В действительности Конвей, судя по всему, применяет несколько усложненную версию ницшевского ответа, использованного Льюисом и Розеном. Конвей уже не призывает своих читателей считать себя выше тех глупых посредственностей, которые якобы станут Сверхлюдьми, а склоняет читателя присоединиться к нему в его более высокой задаче разоблачения Сверхчеловека, как и самого Ницше. Но действительно ли нет способа отвергнуть Ницше, не демонстрируя в то же самое время свое господское превосходство над стадом рабских ницшеанцев, от которых нужно отличить самого себя? Может ли читатель сопротивляться ницшевскому предписанию «нужно превзойти человечество» или по крайней мере не выполнить его?

Чтение ради победы

Акт чтения всегда захватывает эмоции читателей, и в значительной степени успех того или иного текста (или акта чтения) зависит от симпатии читателя и его увлеченности. Немалая часть этой увлеченности берется из отождествления читателя с индивидами и типажам в рассказываемой истории. Люди обычно отождествляют себя с героями повествования и практически с любым персонажем, который представлен в привлекательном свете. Этим предполагается «принятие целей протагониста», так что достижение этих целей или провал в их достижении вызывает у читателя эмоциональную реакцию, подобную той, что можно было бы ожидать у самого протагониста, независимо от того, описывается ли то, что протагонист действительно испытывает такие эмоции¹⁹. Следовательно, история со счастливым концом — та, в которой читатель чувствует себя счастливым по причине успеха героя, а грустная история — та, в которой протагонист безуспешен.

В результате этого процесса читатели порой начинают считать своими цели персонажей, которые во многих внешних отношени-

19. См.: Oatley K. A Taxonomy of the Emotions in Literary Response and a Theory of Identification in Fictional Narrative // Poetics. 1994. Vol. 23. P. 53–74; Дэвид Олбриттон и Ричард Герриг выяснили, что у читателей есть позитивные предпочтения касательно исходов повествования и что наличие негативных предпочтений (например, надежда на то, что протагонист не успеет на самолет) настолько необычно, что, когда читателей путем манипуляций склоняют к предпочтению негативного исхода (например, говорят, что самолет разобьется), они хуже запоминают реальный исход. См.: Allbritton D. W., Gerrig R. J. Participatory Responses in Text Understanding // Journal of Memory and Language. 1991. Vol. 30. P. 603–626.

ях (таких как возраст, раса, гендер, класс и т. п.), возможно, на них не похожи. Однако цели, которые они принимают за свои, — избежать смерти, найти партнера, достичь личной самореализации, — это почти всегда цели, разделяемые читателями, поскольку они отражают рациональный личный интерес. Следствие присвоения целей протагонистов на основе личного интереса состоит в том, что акт чтения становится попыткой добиться успеха в тех самых целях, которые читатель преследует в повседневной жизни. На самом деле успех в акте чтения порой может компенсировать читателям их относительную неспособность достичь тех же целей в собственной жизни. Отсюда, вероятно, мнимый парадокс, вытекающий из популярности Ницше у обездоленных групп, которые он всячески уничижал. Они тоже читают ради победы, пытаясь вырвать успех из текста за счет превращения самих себя в героев повествования Ницше.

Чтение ради победы — это тот самый способ чтения, который, по мысли Ницше, должны применять люди. В «Человеческом, слишком человеческом» он отметил:

Тому, кто на самом деле хочет *узнать* что-то новое (будь то человек, событие или книга), лучше всего принимать это новое со всей возможной любовью, быстро закрывать глаза на все, что кажется ему в нем враждебным, возмутительным, превратным, даже забывать об этом: к примеру, давать максимальную фору автору какой-нибудь книги и прямо-таки, словно на скачках, с бьющимся сердцем желать, чтобы он добился своего²⁰.

Когда Ницше писал это, он рассматривал чтение ради победы в качестве всего лишь инструмента, полагая, что разум со временем придет к тому же выводу. Но в его более поздних произведениях эта возможность была отвергнута. Знание «работает как оружие власти», а потому «зависит от меры роста воли к власти»²¹. Стремление читателя к победе — уже не средство познания, а пример того, чем, собственно, и является знание. Познать нечто — значит не больше, чем проинтерпретировать нечто к своей собственной выгоде: «Воля к власти *интерпретирует* (при образовании органа дело идет об интерпретации)»²².

В этом контексте чтение ради победы без оглядки на возраже-

20. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Полн. собр. соч. Т. 2. 2011. С. 233.

21. Он же. Воля к власти. С. 786.

22. Там же. С. 786.

ния или следствия такого чтения — это не просто чтение в том модусе, в котором мы обычно читаем: оно является еще и первым, но сразу же одурманивающим, вкусом воли к власти. Чтение ради победы не только дает собой пример воли к власти, дело еще и в том, что при чтении Ницше наше собственное применение воли к власти и в самом деле получает награду в виде ощущения самой этой власти. Даже в одном-единственном предложении можно увидеть, как это происходит. Взять, к примеру, похвальбу Ницше из *Ессе Номо*: «Я не человек, я динамит»²³. Кто бы, читая эту строку, не почувствовал внезапного волнения некоей взрывчатой субстанции внутри самого себя или, по крайней мере, не был воодушевлен наглостью Ницше, позволив самому себе чуть большую, чем обычно, экспансивность чувств? В конце концов именно так мы обычно читаем. Пусть даже Ницше приписывает взрывчатую силу самому себе, а не нам, мы все равно тут же принимаем ее на свой счет.

В этом, возможно, и заключается причина необыкновенной связи Ницше со своими читателями. Успешное чтение Ницше означает чтение ради победы, такое чтение, в котором мы принимаем цели автора за свои. Пытаясь без зазрения совести получить награды, обещанные текстом, мы становимся примерами раскованной воли к власти. Неудивительно, что Ницше может столь уверенно отождествлять своих читателей со Сверхлюдьми. Это не просто лесть. Если читатели Ницше усвоили его текст, они доказали именно те качества безжалостности и амбициозности, которые прочат их в «хозяева земли». Но они не просто заработали себе определенный статус в воображаемой вселенной Ницше. Достигнув понимания главной доктрины Ницше, они уже доказали ее самим себе. Ницше убеждает, апеллируя к опыту, но не к нашему опыту мира, а к нашему опыту читателей, в частности к нашему опыту читателей его текста.

Читать как лузер

Существует альтернатива чтению ради победы — читать как лузер. Роберт Бертон описал такой тип чтения и его последствия в своей «Анатомии меланхолии»:

Да, но это размышление все на свете искажает, и ошибка ухудшает положение многих людей, заставляя их видеть во всем,

23. Он же. *Ессе Номо*. С. 276.

что они читают или слышат, повод для собственного низвержения. И чем больше они ищут и чем больше читают Писание или Отцов, тем больше они запутываются, подобно птице в силках, тем больше теряются, устремляясь к этой абсурдной пропасти. *Много званых, а мало избранных* (Матфей, 20:16 и 22:14). Такие места из Писания, когда они неверно истолкованы, поражают их ужасом, они сомневаются теперь в том, действительно ли они в их числе или нет, в божественном законе предназначения, в абсолютном отвержении, и все эти убийственные картины они рисуют к своей собственной гибели, бросаясь на эту скалу отчаяния²⁴.

Читать ради собственного низвержения — необычная стратегия. Она отличается как от отвержения текста, признаваемого ошибочным или аморальным, так и от усвоения текста, который находят совместимым со своим собственным существованием. Читать как лузер — значит усваивать текст так, чтобы он был несовместим с твоим собственным эго.

Интерпретативная задача, поставленная учением о предназначении, в некоторых важных отношениях подобна той, что Ницше предлагает своим читателям. Фоновая предпосылка обеих задач состоит в том, что много званых, но мало избранных. Можно предположить, что большинство тех, кому будет изложена эта доктрина, сделают вывод, что они, скорее всего, окажутся среди многих, чем немногих. Однако почти все читатели Ницше отождествляют себя с теми немногими, кто честен, силен и смел, и точно так же многие поколения христиан считали, что принадлежат к числу тех немногих, которые «избраны». Альтернатива, хотя и вполне логичная, была настолько редкой, что считалась патологической. Полагали, что в подобном состоянии люди просто не могли бы выжить. Бертон отмечал:

Никогда живая тварь не пребывала в подобной муке... в таком жалком состоянии, в таком расстройстве ума, без надежды и веры, оставив позади всякое исцеление, в нечестии, постоянно пытаясь разделаться с собой²⁵.

Читая как лузеры, мы совершенно иначе реагируем на заявления, которые Ницше делает от своего имени и от имени своих читателей. Вместо того чтобы читать ради победы вместе с Ницше или

24. Burton R. The Anatomy of Melancholy. Oxford: Oxford University Press, 1989. Vol. 3. P. 434.

25. Ibid. P. 422.

даже читать ради победы против Ницше, отождествляясь с рабской моралью, мы читаем ради победы против самих себя, делая себя жертвами текста. Это не означает, что к тексту нужно относиться со скепсисом или подозрением. Чтобы читать как лузер, вы должны согласиться с аргументацией, однако обернуть ее следствия против себя самого. Так, вместо того чтобы представлять себя в качестве динамита или же ставить экстравагантное заявление Ницше под вопрос, мы сразу же подумаем (как мы и правда бы подумали, если бы кто-то сказал так в реальной жизни) о том, что может случиться взрыв; что нас может травмировать; что мы слишком близко к тому, кто может повредить нам. При чтении с позиции лузера мы почувствуем себя беспомощными и уязвимыми.

Итоговый результат, конечно, состоит в том, что чтение Ницше станет намного менее приятным. Когда мы будем читать о том, что «заведомо увечные, поверженные, надломленные — *слабейшие* суть те, кто по большей части минируют жизнь под человеком»²⁶, мы в первую очередь подумаем о самих себе. А тексты Ницше, уже не представляясь веселящей душу картиной безграничных возможностей человеческой эмансипации, будут постоянно напоминать нам о нашей собственной слабости и посредственности, о нашем безвозвратном изгнании из веселой жизни, полной беззаботного смеха, которая возможна только для тех, кто здоровее и сильнее. Следовательно, мы никогда не испытаем на себе таинственной алхимии текстов Ницше, благодаря которой читатель извлекает выгоду из учения Ницше в самом акте его постижения.

Что же мы теперь чувствуем по отношению к Ницше? Мы могли бы ответить так, как, по мысли Ницше, никто никогда не отвечал: Он мне не нравится. — Почему? — Я не дорос до него²⁷.

В любом случае мы не смогли бы посмотреть ему в лицо, что он сам просит нас сделать²⁸. Его взгляд слишком пронзительный, его присутствие слишком осязаемое. Мы должны опустить глаза и отвернуться.

Филистер

Чтение Ницше с позиции лузера, скорее всего, окажется более сложным делом, чем можно было подумать. Оно требует большего отдаления нас самих от его более чем экстравагантных за-

26. Ницше Ф. К генеалогии морали // Полн. собр. соч. Т. 5. 2012. С. 341.

27. Он же. По ту сторону добра и зла // Полн. собр. соч. Т. 5. 2012. С. 97.

28. Он же. Антихрист. С. 110.

явлений; оно означает, что мы сочтем невозможным сделать своими любые из его возможных ценностей. Это может оказаться болезненным, поскольку некоторые из ценностей Ницше широко поддерживаются нашей современной культурой, а принятие нашей неспособности разделить их может быть сочтено интеллектуальным и социальным провалом. Эта истина, вероятно, наиболее очевидна в том, что касается искусства, то есть той вещи, которой Ницше неизменно приписывал положительную ценность.

Именно в «Рождении трагедии» Ницше впервые выписал взгляд, согласно которому жизнь является бессмысленной и невыносимой, так что «существование мира может быть *оправдано* только как эстетический феномен»²⁹. И хотя впоследствии Ницше дистанцировался от этого раннего произведения, он никогда не отказывался от той идеи, что искусство представляется в мире искупительной ценностью или что «наше высшее достоинство заключено в ценности художественных произведений»³⁰. В более поздних работах роль искусства отождествляется с волей к власти. В черновике нового предисловия к «Рождению трагедии» Ницше отметил:

Искусство и ничего кроме искусства! Оно великий осуществитель жизни, великий совратитель к жизни, великий стимулятор к жизни.

Искусство как единственная преодолевающая противосила супротив всех волей к отрицанию жизни — антихристианское, антибуддистское, антинигилистическое *par excellence*³¹.

И если другие мнимые источники ценности, такие как религия, мораль или философская истина, противопоставляли себя жизни, искусство было не тем, что стоит над жизнью или что против жизни, оно было утверждением жизни, а потому и ее самоутверждением.

В более поздней трактовке искусства у Ницше как ценности, превосходящей все остальные, есть два взаимосвязанных элемента: роль эстетики как источника ценности и художник как создатель и воплощение этой ценности. Но если мы читаем как лузеры, то не сможем отождествиться ни с тем, ни с другим. Мы будем считать себя филистерами, которые не способны оценить, что, собственно, представляет собой это эстетическое измерение опы-

29. Он же. Рождение трагедии // Полн. собр. соч. Т. 1. 2006. С. 14.

30. Там же. С. 43.

31. Он же. Воля к власти. С. 466.

та; то есть людьми без вкуса, проницательности и без способности оценить те вещи в жизни, которые считаются более утонченными. Это означает не только то, что мы отстранимся от абстрактного дискурса традиционной эстетики, но и то, что мы не сможем занять точку зрения авангардистской критики традиции.

По Ницше, «воздействие произведений искусства есть *возбуждение в нас искусствотворящего состояния*». Следовательно, быть эстетом — это все равно что быть художником, поскольку «Всякое искусство... обращается всегда только к художникам»³². Чтение с позиции лузера выводит нас за пределы этого уравнения: поскольку мы не способны оценить, мы не способны и творить. Мы не можем считать себя оригинальными или креативными людьми, нам остается считать себя просто тварью, материалом, тем, что должно быть «сформовано, сломано, выковано, разорвано, обожжено... очищено»³³. Когда мы читаем ницшевские описания «нехудожественных состояний», которые сохраняются среди «страдальцев, пораженцев, нытиков, под взглядом которых чахнет жизнь»³⁴, мы не должны спешить исключить себя из их числа. По мнению Ницше,

...*состояние эстетическое*... наступает только у тех натур, которые способны на эту дарующую и захлестывающую полноту телесного *vigor*... Трезвый, усталый, изможденный человек, сухарь (например, ученый) абсолютно ничего не может воспринять от искусства, потому что в нем нет исконной творческой силы³⁵.

На что лузер ответит: «Да, это прям я».

Возможно, этот выбор покажется не слишком привлекательным, поскольку Ницше специально представляет его в максимально неприглядном свете, однако признание нехватки «исконной творческой силы» должно стать отправным пунктом для любого антиницшеанца. Любой, кто поступает иначе, продолжает в значительной мере делать ставку на ницшевский образ будущего. Восприимчивость к эстетическому — это билет, позволяющий получить привилегию в мире Ницше; от его переоценки ценностей могут пострадать единственно те люди, у кого такого билета нет. Ницше может заявлять, что привилегии будет удостоено только избранное меньшинство, однако в культуре, в которой фи-

32. Там же. С. 448, 440.

33. *Он же*. По ту сторону добра и зла. С. 150.

34. *Он же*. Воля к власти. С. 44.

35. Там же. С. 434–435.

листеры, которые бы сами себя так называли, бросаются в глаза исключительно своим отсутствием, нет ничего удивительного в том открытии, что читатели Ницше постоянно обнаруживали себя среди включенных в его картину будущего, а не исключенных.

Недочеловек

Чтобы найти Анти-Ницше, необходимо поместить себя не только вне современной культуры, но и вне человеческого вида как такового. Ницшевская модель будущего внутривидовых отношений основана на модели межвидовых отношений в природном мире. Базовая аналогия состоит в том, что Сверхчеловек относится к человеку так же, как последний к животному. Заратустра изображает человека как «канат, закрепленный между зверем и сверхчеловеком, — канат над пропастью»³⁶. Философ будущего должен пройти по канату. В отличие от тех, кто скорее вернется к животному состоянию, Сверхлюди займут по отношению к другим людям ту же дистанцию, которую люди заняли по отношению к животным:

Все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя — а вы хотите быть отливом этой великой волны и скорее вернуться к зверю, чем превзойти человека? Что такое обезьяна для человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором³⁷.

В самом деле, Ницше не раз называл Сверхчеловека существом другого вида: «Я пишу для человеческого рода, какого еще нет на свете: для „хозяев Земли“»³⁸. И он выражался не метафорически. Он надеялся, что новый вид можно будет создать за счет селекционного разведения, и отмечал практическую возможность «международных племенных союзов, которые поставили бы себе задачу по выведению господствующей расы, будущих „хозяев Земли“»³⁹.

По Ницше, из этого следует, что по отношению к Сверхчеловеку у обычных смертных вообще не будет никаких прав. У Сверхчеловека будут обязанности только по отношению к равным ему,

36. Он же. Так говорил Заратустра // Полн. собр. соч. Т. 4. 2007. С. 15.

37. Там же. С. 13.

38. Он же. Воля к власти. С. 515.

39. Там же. С. 516.

«с прочими же [надо] придерживаться той мысли, что только *inter pares* можно надеяться (к сожалению, далеко еще не рассчитывать) на справедливость»⁴⁰. Аргумент в данном случае тоже основан на межвидовых отношениях. Ницше мыслит различие между человеком и Сверхчеловеком не в категориях различия животного и человека, а по образцу различия стадного животного и хищного. Эту идею он ввел в «Генеалогии морали», где обсуждались ягнята и хищные птицы. Отмечая, что нет ничего странного в том, что ягнята недолюбливают больших хищных птиц, он утверждает, что «отсюда вовсе не следует, будто надо ставить в упрек крупным хищным птицам, что они хватают маленьких ягнят». По Ницше,

Требовать от силы, чтобы она *не* проявляла себя как сила, чтобы она *не* была желанием возобладания, желанием усмирения, желанием господства, жаждой врагов, сопротивлений и триумфов, столь же бессмысленно, как требовать от слабости, чтобы она проявляла себя как сила.

Аргумент опирается на идею плотоядности как выражения аморальности, которая является естественной и неизбежной чертой межвидовых отношений. Ницше представляет, как хищные птицы говорят:

Мы вовсе не злы на них, этих добрых ягнят, мы их даже любим: что может быть вкуснее нежного ягненка⁴¹.

Что бы там ни казалось ягням, для плотоядного животного есть их — это вопрос не этики, а исключительно вкуса. Ницше, следовательно, доказывает, что, если бы подобный водораздел был установлен между двумя видами людей, Сверхлюдьми и стадными животными, их поддерживающими, отношения между видами также полностью определялись бы вкусами высшего вида. Ницше не говорит, стали бы Сверхлюди пировать, поедая подчиненных им людей, однако невозможно представить, чтобы у него нашлись какие-либо возражения против этой практики, разве что гастрономические.

Аналогия Ницше опирается на посылку, будто закономерности межвидовых отношений бесспорны и что читателю будет проще вообразить себя поедающим другие виды, чем поедаемым ими. Ответ хищников ягненку — это, соответственно, еще и от-

40. Там же. С. 508.

41. Он же. К генеалогии морали. С. 261.

вет плотоядных читателей, которые тоже любят ягнятину ровно в той мере, что и ягнят. Но, читая как лузеры, мы можем отождествить себя скорее уж с человеком, чем со Сверхчеловеком, с животным, а не с человеком, наконец, со стадным животным, чем с хищником. Закономерность межвидового отношения, описываемая Ницше, бьет напрямую по нам, представляясь ужасной. Ведь это нас могут съесть.

Последовательно думать о человеке с точки зрения недочеловека — трудная задача, однако в чтении с позиции лузера мы отказались от идеи стать чем-то большим человека и думаем лишь о том, как стать чем-то меньшим. Ницше сам отождествил становление недочеловеком с эгалитарными проектами демократии и социализма:

Общее вырождение человека, вплоть до того «человека будущего», в котором бестолковые и пустоголовые социалисты видят свой идеал — вырождение и измельчание человека до совершенного стадного животного (или, как они говорят, до человека «свободного общества»), превращение человека в карликовое животное с равными правами и притязаниями возможно, в этом нет сомнения!

Эта перспектива ужасает Ницше:

Кто однажды продумал до конца эту возможность, знает одной мерзостью больше, чем остальные люди...⁴²

Даже те, кто считает, что Ницше представил абсурдную карикатуру на социалистический проект, вероятно, согласились бы с тем, что сведение человека к недочеловеческому уровню — и правда отвратительная цель. Но если мы читаем как лузеры, то, возможно, будем думать иначе. И если превращение человека в Сверхчеловека будет наполнять нас ужасом, дегуманизация человека, превращающая его в стадное животное, поразит нас, представившись предложением долгожданной передышки от жестокого хищника и открытием новых возможностей недочеловеческой общительности. И хотя недочеловек, как и филистер, вряд ли кажется многообещающим основанием для последовательного антиницшеанства, это не просто гипотетическая противоницшеанская позиция, порожденная извращенной стратегией чтения: недочеловек и филистер — это на самом деле не две формы Анти-Ницше, а одна.

42. Он же. По ту сторону добра и зла. С. 120.

Негативная экология ценности

Проект Ницше — это переоценка всех ценностей. В нем два этапа: первый — нигилистический и второй — экологический. Ницше сам говорит, что «до сих пор был нигилистом». И хотя, по его словам, он принял это только в конце 1880-х годов, идея ему определенно нравилась, поскольку потом он провозгласил себя «первым совершенным нигилистом Европы»⁴³. Ницше имеет в виду, что он более любого другого согласился с «абсолютной несостоятельностью мира по отношению к высшим из признаваемых ценностей»⁴⁴. Все ценности религии и нравственности, которые должны были наделить жизнь смыслом, оказались несостоятельными; скептицизм подорвал многие из них. Правдивость, которой требовали религия и нравственность, показала, что ценности религии и морали (включая и ценность самой истины) являются вымышленными. В этом смысле высшие ценности прошлого обесценили сами себя. Нигилизм — это не то, что действовало против религии и нравственности, а то, что действовало через них. Пришествие нигилизма, понимание того, что все, считавшееся ценным, не имеет никакой ценности, представляет собой поэтому триумф христианских ценностей и одновременно их уничтожение. Как отметил Хайдеггер,

... для Ницше нигилизм отнюдь не только явление упадка — нигилизм как фундаментальный процесс западной истории вместе с тем и прежде всего есть закономерность этой истории⁴⁵.

Хотя Ницше не порицает нигилизм, он предсказывает, что в будущем он примет другую форму. Он утверждает, что «вселенная представляется нам обесцененной, „бессмысленной“... но это только *переходное состояние*»⁴⁶. За ним начинается «движение, которое когда-нибудь в будущем сменит вышесказанный совершенный нигилизм, но для которого он является предпосылкой, логической и психологической»⁴⁷. Это движение Ницше описывает как переоценку всех ценностей. Его предпосылка состоит в том, что «нам нужно когда-нибудь найти *новые ценности*», но не цен-

43. Он же. Воля к власти. С. 25.

44. Там же. С. 31.

45. Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» // Он же. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. С. 179.

46. Ницше Ф. Воля к власти. С. 32.

47. Там же. С. 25–26.

ности старого толка, которые мерили ценность мира вещами вне его, поскольку они «относятся к совершенно вымышленному миру»⁴⁸. Переоценка ценностей у Ницше требует больше этого — «переворачивания самих способов оценивания»⁴⁹.

Ницше никогда не использует слово «экологический», однако, возможно, точнее всего форму такой переоценки оценивания можно описать именно так, и не потому, что Ницше проявлял какую-то озабоченность природной средой, а в силу беспрецедентного соединения двух идей — признания взаимозависимости ценностей друг от друга и биологической оценки ценности. Как первопроходец изучения истории ценностей, Ницше искал «знания условий и обстоятельств, из которых они произросли, среди которых они развивались и менялись»⁵⁰. Ценности, по его мысли, не сосуществуют друг с другом в некоей неизменной и вечной гармонии. Исторически некоторые ценности замещались другими, поскольку не все ценности могут одновременно быть одинаково ценными. Некоторые ценности отрицают и обесценивают другие: христианство предвещало «переоценку всех античных ценностей», поскольку античные ценности («гордость... обожествление страсти, мести, хитрости, гнева, вожделения, приключения, тяги к познанию») не могли бы достичь процветания в новом моральном климате⁵¹. И то же самое может случиться снова:

Моральные ценности до сей поры были ценностями высшими: кто-нибудь хочет подвергнуть это сомнению?.. Стоит удалить эти ценности с их высшего места — и мы изменим все ценности: тем самым будет опрокинут принцип всей предыдущей ценностной иерархии...⁵²

Следовательно, переоценка ценностей предполагает не изобретение новых ценностей, а переизобретение отношений между старыми ценностями — так следует мыслить «будущую задачу философа, понимая эту задачу в том смысле, что философу надлежит решить *проблему ценности*, что ему надлежит определить *табель о ценностных рангах*»⁵³.

48. Там же. С. 35.

49. Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв». С. 182.

50. Ницше Ф. К генеалогии морали. С. 236.

51. Он же. По ту сторону добра и зла. С. 61; Он же. Воля к власти. С. 143.

52. Он же. Воля к власти. С. 531.

53. Он же. К генеалогии морали. С. 271.

Именно в качестве генеалога ценностей Ницше открыл их хрупкую экологию, но в качестве нигилиста он попытался ее эксплуатировать. Ницше признал, что, так же как утверждение одной ценности отрицает другую, отрицание ценности наделяет позитивной оценкой само отрицание. Поэтому единственной неустранимой ценностью становится ценность оценивания. Однако, поскольку, с точки зрения нигилиста, ценности сами по себе не имеют никакой ценности, ценность оценивания — это не просто последняя ценность, но и единственная. Как заявляет Ницше, нигилизм «видит ценность вещей именно в том, что этим ценностям не соответствует и вообще не соответствует реальности, это лишь симптомы силы на стороне *устанавливающих ценности*»⁵⁴. Результатом этого аргумента является довольно значительная редукция, поскольку если единственной ценностью является оценивание, тогда ценность есть только у способности устанавливать ценности, способности, которую Ницше уравнивает с самой жизнью:

Говоря о ценностях, мы говорим под влиянием вдохновения, под влиянием оптики жизни: сама жизнь принуждает нас устанавливать ценности, сама жизнь оценивает через нас, *когда мы определяем ценности...*⁵⁵

Однако жизнь сама ставится под вопрос, а потому

Жизнь не имеет иных ценностей, кроме степени власти, если мы предположим, что сама жизнь есть воля к власти⁵⁶.

Как историк, Ницше отметил, что «*ценности и их изменения стоят в связи с возрастанием силы лица, устанавливающего ценности*»⁵⁷, однако, в соответствии с его собственной аргументацией, требующей редукции, изменения в ценности не просто связаны с изменениями в силе; они и есть эти изменения в силе, поскольку ценность — это «наивысшее количество власти, которое человек в состоянии усвоить»⁵⁸. Так что, поскольку ценность покоится в оценивании, а оценивание существует только там, где есть сила установить ценности, экология ценности в царстве идей становится буквальной биологической экологией живых организмов. Ницше выражает эту идею так:

54. Он же. Воля к власти. С. 35–36.

55. Он же. Сумерки идолов. С. 38.

56. Он же. Воля к власти. С. 57.

57. Там же. С. 36.

58. Там же. С. 393.

Точка зрения «ценности» — это точка зрения *условий сохранения, условий подъема* сложных образований с относительной продолжительностью жизни внутри процесса становления⁵⁹.

Короче говоря, ценность в пределе является экологической, поскольку ценностью обладают условия, допускающие оценивание. А поскольку, по Ницше, «создавать ценности — это истинное *право господ*»⁶⁰, задача философа — определить экологию, в которой такое оценивание возможно. Поскольку ему не было знакомо понятие эколога, появившееся в XX веке, Ницше вообразил новый тип врача, чья забота — здоровье общества в целом:

Я все еще жду, что когда-нибудь *врач* от философии, — в исключительном смысле слова способный проследить проблему общего здоровья народа, эпохи, расы, человечества, — наберется мужества обострить до крайности мое подозрение и рискнуть на следующее положение: во всяком философствовании дело шло донныне вовсе не об «истине», а о чем-то другом, скажем о здоровье, будущности, росте, силе, жизни⁶¹.

Такой глобальный эколог ценности занимался бы созданием условий для стимулирования производства тех, кто устанавливает ценности. А поскольку «более высокий тип возможен только при *низведении* низшего на степень функции»⁶², это означает выведение вида господ, способного поработить весь остальной мир:

... новая, невероятная, построенная на жесточайшем само-законодательстве аристократия, в которой воле философов насилия и тиранов-художников будет дана закалка на тысячелетия: вышедший вид человеческого рода, который... воспользуется демократической Европой как своим послушным и динамичным инструментом, чтобы взять судьбы Земли в свои руки, чтобы над самим созданием «человек» поработать, как художник над произведением искусства⁶³.

В этой экологии филистер и недочеловек — это одно и то же. Ницше уравнивает восприимчивость к эстетическому с существованием в качестве художника, такое существование — со способностью к оцениванию, а последнюю — с осуществлением власти.

59. Там же. С. 393.

60. Он же. По ту сторону добра и зла. С. 198.

61. Он же. Веселая наука // Полн. собр. соч. Т. 3. 2014. С. 318.

62. Он же. Воля к власти. С. 360.

63. Там же. С. 516.

И как его художники-тираны демонстрируют свою художническую природу своей тиранией, а тиранию осуществляют в художестве, точно так же и филистерство является метой недочеловеческого, а субгуманизация — судьбой филистера. Поскольку им не удастся причаститься искусству, *«утверждению, благословлению, обожествлению сущего...»*⁶⁴, филистерам недостает воли к власти, так что они поработаются. А поскольку недочеловекам не хватает силы создания ценности, они никогда не смогут и оценить ее. В экологии ценности определенное число недочеловеков-филистеров всегда будет необходимо в качестве рабов для сверхлюдей-эстетов, однако, поскольку экология ценности — эта такая экология, которая стимулирует производство сверхлюдей-эстетов, а не недочеловеков-филистеров, из этого следует, что любой прирост последних, превышающий минимум, необходимый для обслуживания потребностей их господ, окажет негативное влияние на эту экологию. Картина будущего у Ницше естественным образом включает в себя способы уничтожения этих вредителей, ведь их размножение не просто окажет негативное влияние на экологию ценностей; поскольку эта экология ценности — последняя оставшаяся ценность в истории нигилизма, ее отрицание — это предельное отрицание самой ценности.

На выводах из этого утверждения следует задержаться подольше. Для последовательного нигилиста последняя ценность должна выводиться из отрицания ценности. Поскольку оценивание неизбежно, может показаться, что оценивание — это последняя ценность. Это и есть причина, по которой Ницше думает, что экология ценности будет окончательным выводом из его нигилизма. Однако это не так. Может существовать не позитивная экология ценности, которая создает возможность для условий оценивания, а негативная экология — та, что минимизирует возможности для полагания ценности, а потому уменьшает количество ценности еще больше. Полное значение филистера и недочеловека становится теперь понятней. Читать Ницше с позиции филистера-недочеловека — это не просто вопрос отыскания точки зрения, с которой идеи Ницше кажутся чуждыми и опасными; это и в самом деле ход против стратегии Ницше. Чтение ради победы являет собой пример воли к власти, укрепляя экологию ценности за счет увеличения числа тех, кто устанавливает ценность. Взять на себя роль филистера-недочеловека — значит поэтому продлить нигилистическую динамику, которую Ницше считал законченной

64. Там же. С. 448.

на нем самом, но продлить ее не за счет воспроизводства *рессентимента* рабской морали (чтение с позиции лузера не является утверждением ценностей, посредством которых лузеры становятся победителями), а путем прямого негативного воздействия на экологию ценности.

Тотальное общество

Может показаться, что негативная экология ценности способна фигурировать лишь в наиболее извращенных дистопийных сценариях. Однако такое суждение было бы поспешным. Негативная экология ценности, которую Ницше называл «небесным царством нищих духом», с его точки зрения, уже началась:

*Продолжение христианства Французской революцией. Соблазнитель — Руссо: он вновь снимает оковы с женщины, которую с тех пор начинают изображать все более интересной — страдающей. Затем рабы и госпожа Бичер-Стоу. Затем бедные и рабочие. Затем порочные и больные... Мы стоим на верном пути: небесное царство нищих духом началось*⁶⁵.

То, каким именно образом этот процесс служил отрицанию ценностей, с наибольшей ясностью показано на примере рабства:

«Уничтожение рабства» — по-видимому, дань «человеческому достоинству», на самом же деле — уничтожение известного, в корне отличного вида (подкапывание под его ценности и его счастье)⁶⁶.

Не соглашаясь с риторикой освобождения на ее собственных условиях и не считая ее расширением экологии ценности, которая приписывает положительные качества тем, кого освобождают, Ницше считает ее исключительно отрицанием ценностей, относящихся к господам. Так, освобождение женщин служит лишь для отрицания особой ценности мужественности; освобождение рабов — ценности белых, освобождение рабочих — ценности капитала, а освобождение больных — вроде бы бесспорной ценности самого здоровья.

Те, кто пытается выступить против Ницше, обычно отвергают его анализ этих перемен, утверждая, что длительный процесс человеческого освобождения не только был мотивирован желанием

65. Там же. С. 74.

66. Там же. С. 190.

утвердить ценности, но также внес вклад в их экологию. Однако, как часто отмечалось, этот аргумент трудно подкрепить на историческом или социологическом уровне. Каковы бы ни были намерения тех, кто продвигал эти социальные реформы, их результатом стало не усиление ценности, а, скорее, ее разбавление в силу расширения ее сферы действия. Дюркгейм, писавший вскоре после Ницше, возможно, первым заметил такую закономерность. Законы против убийства сегодня более инклюзивны, чем в прежние времена, однако

...если все индивиды... составляющие часть общества, теперь одинаково охраняемы, то это смягчение нравов вызвано не появлением действительно нового уголовного правила, но расширением старого. С самого начала было запрещено покушаться на жизнь членов группы, но в этом отказывали детям и рабам. Теперь, когда мы не делаем различия, стали наказуемы поступки, не бывшие прежде преступными. Но это происходит просто потому, что в обществе имеется больше личностей, а не потому, что существует больше коллективных чувств. Увеличились не они, а объект, на который они направлены⁶⁷.

Действительно, как он доказывает в «Разделении общественного труда», коллективное сознание (*conscience collective*), комплекс ценностей, разделяемых определенной общественной группой, постепенно ослабляется в силу увеличения размера и сложности социального образования. Динамика, описываемая Дюркгеймом, если довести ее до предела, включает в себя тотализацию общества до уровня максимальной инклюзивности и комплексности, чему соответствует уничтожение общих ценностей. Он указывает, что нравственность уже «испытывает опасный кризис»⁶⁸. Если тотализация общества и ослабление коллективного сознания не уравновешены развитием органической солидарности посредством разделения труда, изменение приведет исключительно к *аномии*.

Хотя Дюркгейм и Ницше выделяют разные аспекты этого процесса, ясно, что они работают с одной и той же проблемой. Оба говорят, что начала нравственности — в обычаях сообществ, связанных вместе тем, что Дюркгейм называл «механической солидарностью». Но то, что, по Дюркгейму, является расширением группы и ослаблением коллективного сознания, для Ницше пред-

67. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Наука. 1991. С. 160.

68. Там же. С. 379.

ставляется восстанием рабов в морали и началом европейского нигилизма:

Взаимно воздерживаться от оскорблений, от насилия и эксплуатации, соразмерять свою волю с волею другого — это может становиться... добрым обычаем среди индивидуумов, если для этого наличествуют условия (а именно их фактическое сходство по силам и достоинствам и принадлежность к *одной* корпорации). Но как только мы попробуем взять этот принцип в более широком смысле и по возможности даже сделать его *основным принципом общества*, то он тотчас же окажется тем, чем он и является, — волей к *отрицанию* жизни, принципом распада и гибели⁶⁹.

По отношению к тотализации общества Дюркгейм придерживался сдержанно оптимистической точки зрения. Отмечая, что «над европейскими народами стремится образоваться самопроизвольным движением европейское общество», он доказывал, что даже «если образование единого человеческого общества вообще невозможно (что, однако, не доказано), то по крайней мере образование все более обширных обществ бесконечно приближает нас к цели»⁷⁰. Напротив, ответ Ницше состоит в том, что надо потребовать возврата к механической солидарности, конечно, не для всех, а для немногих сильных людей, которые могут создавать ценность. Только если общество будет детотализовано и снова разделено на сообщество сильных и недифференцированную массу слабых, будут сохранены условия для создания ценности:

Хорошие принадлежат к «благородным», к общности, объединенной одним настроением, поскольку все ее члены связаны друг с другом чувством воздаяния. Плохие принадлежат к «черни», к толпе подчиненных, бессильных людей, у которых нет никакого общего настроения⁷¹.

В этом контексте наше чтение Ницше приобретает дополнительное значение. Положительное отождествление с тем или иным нарративом (письменным или любым другим) означает, что его цели становятся нашими собственными. И хотя мы, возможно,

69. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. С. 193.

70. Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 376.

71. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. С. 60. См. также: Он же. К генеалогии морали. С. 256–262.

не пытаемся объединиться с другими читателями, у чтения ради победы сильная центростремительная динамика: чем больше наш успех, тем ближе наши цели сходятся с целями тех, кто занят тем же самым. Чтение Ницше ради победы — это путь к его новой механической солидарности. Тогда как чтение с позиции лузеров является центробежным. Поскольку мы ни в коем смысле не против текста, у нас нет общего дела даже с теми, кто читает ради победы над ним; мы просто часть этой массы «подчиненных, бессильных людей, у которых нет никакого общего настроения». Читать как лузер, чем предполагается постоянное исключение читателя из общей ценности, — значит быть готовым обменять исключительное сообщество на инклюзивную и неразборчивую социальность.

Возможно, что становление частью массы без общего настроения приведет к отрицанию экологии ценности, но такая масса не обязательно является негативной экологией. Как и Ницше, Дюркгейм мыслил общество в биологических категориях. Его модель органической солидарности — это дуб, который может поддержать «до 200 видов насекомых, живущих друг с другом в полном согласии»⁷². И если среда может поддержать тем большую популяцию, чем больше разных видов в ней, точно так же общество может дать пристанище большему числу людей, если у них меньше общего и сильнее различающиеся социальные роли. Но если экологию Дюркгейма можно признать частью негативной экологии ценности, экология Ницше — это позитивная экология ценности, предназначенная для поддержания видов, чья воля к власти полагает ценность:

...общество имеет право на существование *не* для общества, а лишь как фундамент и помост, могущий служить подножием некоему виду избранных существ для выполнения их высшей задачи и вообще для высшего *бытия*: ее можно сравнить с теми стремящимися к солнцу вьющимися растениями на Яве... которые охватывают своими ветвями ствол дуба до тех пор, пока не поднимутся высоко над ним, и тогда, опираясь на него, вволю распускают свою крону и выставляют напоказ свое счастье⁷³.

Именно преданность Ницше экологии ценности делает его антиобщественным мыслителем. Границы общества должны быть ограничены, дабы поддержать цветок ценности. Но для антиниц-

72. Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 249.

73. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. С. 192.

шеанца аргумент работает в противоположную сторону. Границы общества должны быть расширены, чтобы уменьшить возможность ценности.

Возможность

Ницшевский образ лианы, поднимающейся по дубу, прекрасно отображает его идею, согласно которой Сверхлюди должны осуществлять свою волю к власти в качестве паразитов, живущих на обществе. Перевод этой идеи в исторические категории позволил Ницше вообразить необычайную картину:

Вижу перед собой одну *возможность* — и она выступает в немземном блеске и волшебной игре красок... вижу зрелище столь многомысленное, столь чудесно парадоксальное, что и у богов Олимпа был бы повод разразиться своим бессмертным смехом. Вот это зрелище: *Чезаре Борджиа — папа...*⁷⁴

Подобно тому, как лиана, стремящаяся к свету, удушает дерево, Чезаре Борджиа уничтожил бы христианство, став его главой.

Для тотализации общества подобные фантазии не нужны, однако она может требовать перемен, к которым многие не готовы. Например, одним недавним обращением по поводу продолжения тотализации общества является «Декларация больших человекообразных обезьян», в которой заявляется:

Само понятие «нас», противопоставленных «другим», которое, становясь все более абстрактным силуэтом, на протяжении столетий принимало облик границ племени, нации, расы, человеческого вида и которое на какое-то время застыло и затвердело на границе видов, снова стало чем-то живым, готовым к дальнейшим изменениям.

Декларация предвидит «времена, когда рассеянные члены видов шимпанзе, гориллы и орангутанга смогут освободиться и вести свои различные жизни в качестве равных на наших собственных видовых территориях в наших странах»⁷⁵. Однако ни подписанты этой Декларации, ни последовавшие за ними защитники обезьяньей суверенности не определили, где должны располагаться эти страны обезьян. Были предложения склонить какую-нибудь

74. Он же. Антихрист. С. 181.

75. The Great Ape Project / P. Cavalieri, P. Singer (eds). L.: Fourth Estate, 1993. P. 5, 6.

экваториальную страну с большим государственным долгом уступить часть своей территории в обмен на поблажки от кредиторов⁷⁶. Но в негативной экологии ценности могут быть и другие, более надежные решения.

Расширение границ общества с целью включения членов других видов способно, даже если цель его и не в этом, привести к обесцениванию собственно человеческих ценностей, особенно культуры. Это не только противоречит ницшевскому аргументу о том, что (сверх)люди как единственные установители ценности должны жить в мире, который максимизирует их способность к процветанию за счет других, не производящих ценность видов, но и, включая в общество столь значительное число нераскававшихся филистеров, подрывает способность человеческой культуры функционировать в качестве общей ценности в рамках расширенного общества. В такой филистерской экологии некоторые избыточные части западного культурного наследия могли бы оказаться подходящим пристанищем для автономной обезьяньей группы. Возможно, Лувр и его коллекции можно было бы предоставить в распоряжение человекообразным обезьянам, освобожденным из зоопарков и исследовательских лабораторий: длинные галереи они могли бы использовать для сна и развлечений, а сад Тюильри — для собирания пищи⁷⁷. Кто кроме нищеанца стал бы возражать?

76. См.: Goodin R. E., Pateman C., Pateman R. Simian Sovereignty // *Political Theory*. 1997. Vol. 25. P. 821–849.

77. О страхе Ницше за Лувр, попавший в руки коммунаров, см. в: Losurdo D. *Op. cit.* P. 14.